

НАСЛЕДИЕ

*Протоиерей Владислав Свешников***СУЩНОСТЬ ХРИСТИАНСКОЙ ЭТИКИ***

вание христианской этики (преимущественно в православном осмыслении) для христианина должно быть и максимально полным, и структурно целостным, так, чтобы живая связь этического знания открывалась как детерминированно неизбежная.

Содержание нравственной жизни, по существу, просто. Соглашаясь со смыслом этой существенной простоты, необходимо иметь в виду повсеместный упрощенный стереотип сознания, в соответствии с которым нравственное содержание априорно представляется слишком известным, понятным и приемлемым — в рамках соответствующей системы. Специфика любого этического христианского текста или размышления состоит в его, так сказать, «неспецифичности». Для того чтобы простота содержания не стала соблазнительным поводом к упрощенности этического сознания, необходимо иметь в виду принципиальную опасность сложившегося стереотипа.

Существо нравственного дела в любой долговременной этической системе, тем более в религиозной, остается относительно консервативным, неизменным. В то же время каждая эпоха предлагает новые этические вызовы миру; или, по крайней мере, меняются их формы, что требует новых ответов или как минимум новых форм ответов. Поэтому в рамках всегда по сути равного самому себе церковного предания необходимо быть готовым дать ответ на новые вызовы мира.

Почти любое этическое содержание знания, претендующее на объективную содержательность, предлагает априорные ценности представления о поведении человека и его мотивах (особенно в ситуациях нравственного выбора); о добре и зле и их переживании (блаженство и скорбь); о смысле природной и личностной жизни; о личном поиске правды; о соотношении личностной и общественной жизни в этическом контексте; о достоинстве личности; о свободе и самоопределении; о соотношении нравственной правды и права; о критериях и ориентирах нравственной жизни.

Христианское этическое переживание опирается на антропологическое библейское знание о создании человека и его сущности (образ и подобие), о грехопадении и поврежденности человеческой природы и личности и о влиянии на личность фундаментальных сил зла, совокупности «прельщающих» действий мира и плотско-психологической природы. В связи с этим открывается неизбежность, необходимость, смысл и содержание покаяния как нравственного возрождения и как модуса бытия в контексте переживания Царства Небесного.

Обновленная покаянием область самосознания и верных нравственных интенций открывает фундаментальное знание евангельской этики во всей полноте ее блаженного переживания. Она включает в себя, прежде всего, понимание сущности смирения, смиренномудрия и кротости как мира с Богом, с миром и с самим собой, а также напряженное стремление к объективной (высшечеловеческой) правде и к аскетическому очищению сердца. Сверхприродное блаженство «новой твари» открывает личное переживание новозаветного нравственного содержания.

Сличение ветхозаветного закона с нравственным евангельским благодатным знанием открывает, с одной стороны, величие Моисеева закона, а с другой стороны — его недоста-

* Доклад на XI Международных Рождественских образовательных чтениях, 2003 г.

точность; вместе с тем, открывается и связь Евангельского закона с Ветхим Заветом. Суть и смысл евангельской этики открывается в описании нового творения. Христос есть не нарушитель, но исполнитель закона, открывший значение служения.

Смысл служения состоит в том, чтобы осознать и исполнить волю Божию о человеке. Поиск воли Божией осуществляется при условии понимания свободы человека и ее извращений, а также при различении «судов Божиих» и «судов человеческих». Исполнение воли Божией усматривается в человеческом соработничестве Христу, которое становится возможным при установлении аксиологических нравственных порядков. В этом отношении в первую очередь заповеди рассматриваются как регулятивные ценностные принципы устройства этического содержания жизни.

Наиболее обширным пространством греха и добродетели являются человеческие отношения, в которых открываются верные нормы этического пространства жизни: самоотвержение, неосуждение, желание и делание добра; чистота внутреннего мира в общении. Этика общественного служения, понимание взаимоотношения личности и общества и главного нравственно-социального принципа — принципа соборности, наиболее отчетливо раскрывающегося в жизни общины и Церкви, составляет полноту содержания общественной нравственности.

Внутренняя жизнь человека в духовно-нравственном контексте бесконечно богаче ее внешнего выражения, она часто не видна ни «внутреннему взору», ни «со стороны». Для того чтобы суметь увидеть нравственный центр личности, его «сердце», необходима кропотливая работа по разгребанию порочной периферии, по «отсечению помыслов», в том числе находящихся в области «подсознания» и «бессознательного», помыслов не только очевидно «злых», но и кажущихся «добрыми». В этом отношении труды некоторых неопрейдистов (Карен Хорни) предлагают чрезвычайно обширный материал, в частности по распознаванию конкретного разрушительного действия гордости.

Так называемые «добрые чувства» человека реализуются в основном в сфере человеческих взаимоотношений. «Чувства добрые» — это естественные нравственные чувства падшего человека, которые обществом обычно оцениваются как нравственно положительные. Самодостаточность — обычное условие их работы; самоправедность — главный результат, неприемлемый для чистого нравственного понимания. Именно потому, что в истории падшего человечества они раскрывали естественные чувства падшей природы, они не имеют принципиального значения в нравственной истории личности.

Будучи природными, эти чувства не являются волевыми актами. Христианские сверхприродные нравственные переживания требуют волевого усилия, состоящего в том, чтобы преодолеть природный тип нравственного акта. Преодоление естественных чувств ради жизни по началам совершенным, христианским, есть борьба, в которой личность противостоит демонским действиям. В противостоянии следует искать то, «что угодно Иисусу Христу». Иначе результаты противостояния будут только иметь вид добрых плодов. Иллюзорные духовные плоды, сопровождающиеся лицемерием, ведут к гедонистическому плену. В этом неконструктивном плену действуют чувственные похотения, греховное воображение и память, которые приводят из небытия к призрачному бытию привлекательные картины греха.

Для того чтобы жизнь осуществлялась в соответствии с христианскими нравственными нормами, необходимо духовное рассуждение. Новозаветное сознание признает поврежденность падшего человеческого рассуждения и относится к нему с осторожностью, видя его неполноту, нечистоту и интерпретативность. Постоянно ошибающаяся мудрость «века сего» есть мудрость пустая, тщетная, жизненно бесплодная, рационалистичная, миражная. Апостол Иаков характеризует такую мудрость как «земную, душевную, бесовскую»: земную — по объективному содержанию и направленности; душевную — потому что вместо высшей нравственной ценности имеет субъективно-психологическую; бесовскую — потому что источником своим имеет не Бога, но силы мира и зла. Но евангельский опыт знает духовную мудрость, рассуждение и внимание, необходимые для различения добра и зла.

Слово «внимание» имеет три взаимосвязанных нравственных смысла. Во-первых, вни-

мание к «духовной пище»: к молитве, к слову Божию, к внушениям Божиим и ангельским и пр. Во-вторых, внимание к ближнему, состоящее в доброжелательном сопереживании его жизни, с ее скорбями, стремлениями и пр. И наконец, внимание к самому себе, к своей душе. В аскетическом значении внимание осознается как строгий надзор и видение самого себя. Обычно люди видят себя с неточных позиций и психологически фрагментарно: либо по отдельным конкретным проявлениям, либо по отдельным качествам. Для постоянно целостного видения необходимо постоянное внимание, которое охватывает все поле нравственной жизни. Внутренняя напряженность сознательных процессов внимания выражается в «трезвении» и «бодрствовании». По сути, это одно аскетическое явление; различия — в оттенках. Бодрствование обычно имеет в виду постоянную готовность к любому событию внешней и внутренней жизни, имеющему нравственное значение, преимущественно же кризисно-эсхатологический характер; трезвение более описывает непосредственный («здесь и сейчас») процесс отражения работы сил зла. Цель бодрствования — препятствие проникновению в личность того, что ей иноприродно. Трезвение есть свойство не позитивистски холодного сердца, но, напротив, сердца, горящего любовью.

Горение сердца в служении Богу и людям есть нравственное состояние души, переживаемое динамически, активно; будучи живым, оно определяет реальную жизненную силу личности, стремящейся к совершенству.

Основное условие достижения совершенства — готовность расставания с любыми ценностями земного характера и содержания и соответственно осознание преимущественного значения ценностей небесных. Нравственное совершенство — это совершенство любви. Когда любовь достигает совершенства, человек становится подобен Христу. Такая совершенная любовь (а не стоическая смелость) изгоняет страх; ибо такая любовь в своем совершенстве соединяется с другим совершенным законом — законом свободы. Пути нравственного совершенства — это пути любви и свободы.

Для движения по этим путям от человека требуется постоянство, потому что в падшем человеческом мире одним из наиболее постоянных качеств оказывается изменчивость: психологическая (по смене настроений), изменчивость взаимоотношенческая, доходящая до прямых измен; изменчивость мировоззренческая.

Бытие «новой твари» в ее постоянстве открывается через возрождение. Возрождение есть акт не психологический и не умственный, но духовный и религиозно-нравственный и совершается в человеке Богом. Главный результат этого процесса состоит в том, что объективное, божественное содержание блага, добра усваивается личностью, становится ее благом и переживается как личное блаженство...

Понятие «благо» может быть выхоленным, когда в нем имеется исключительно психологическое ощущение, в котором нет духовно-нравственного содержания ввиду его полной независимости, даже свободы. Но такая «независимость» представляет собою в нравственном понимании и переживании худший вид зависимости — зависимости от своих ощущений. По сути, свобода есть функция Святого Духа. Истина освобождает, но только истина познанная и усвоенная. Она освобождает, прежде всего, от иллюзий, потому что иллюзии держат человека в плену нравственной, духовной и информационно-интеллектуальной лжи.

Свобода реализуется там и тогда, где и когда она оказывается не вынужденной ни внешними, ни внутренними по отношению к человеческому духу обстоятельствами. Свобода есть исключительно внутреннее качество человеческого духа, всегда ему присущее, и только сам человек оказывается способным предать свою свободу, возлюбив более рабство. В нравственной действительности свобода реализуется в возможности выбора, который лишь психологически кажется альтернативным, объективно же — безальтернативен. Свобода в этом смысле становится результатом долгого пути реализации верных нравственных выборов, в каждом из которых умерщвлялось порабащивающее действие греха, а значит, повышался уровень освобожденности и увеличивалась реальность богоподобия, с особенной остротой воплощающаяся в молитве.

Молитва есть универсальное духовное делание всякого верующего в Бога человека.

Нравственные результаты молитвы особенно очевидны, когда в молитве реально устанавливается связь личности с Богом. Этически личностная, молитва, по сути, всегда относится к вечности, потому что обращена к вечному Богу. В нравственно-психологическом отношении для молитвы, прежде всего, необходимы внимание ума и сочувствие сердца. Не пребывающий во внимании на молитве тем самым выявляет, что его воля к Богу как центру его духовного сердца повреждена и центрами оказываются недостойные объекты внимания, которые заменяют молитвенное содержание, и духовные интенции тем самым искажаются грехом. Высшая степень освобожденности от житейских попечений, суеты (молвы) молитве есть безмолвие. Это та духовно-этическая высота, на которой человек из опыта узнает, что его личностные обретения являются также и Божественными дарами, не только по происхождению, но и потому, что в них действует глубинная личностная связь, соединяющая человека с Богом и потому открывающая источники высшей радости, блаженства.

Внутренняя жизнь человека всегда окрашена радостными или скорбными переживаниями. Природная неизбежность скорби связана с тем, что мир живет по законам энтропийного, тленного существования; и болезненность тленности этого мира не может не действовать, хотя эта скорбь и умеряется победой Христа. Греховность переживаний скорби есть большей частью результат нравственной дезориентированности. Эти переживания имеют натуралистический и природно-органический характер. Скорби в человечестве есть мировая неизбежность как условия жизни падшего человека в пространстве изгнания из рая.

Религиозная скорбь, источником которой является знание разъединенности с Богом, окрашена тонами одиночества, и одиночество эту не могут заглушить никакие внешние действия или человеческое общение. Материал этой скорби, в отличие от многих других, неизменно честен, ибо основан на объективной правде. Будучи не психологичной, а онтологичной, эта печаль не может быть преходяще-поверхностной, там подлинная глубина страдания, потому что настоящее страдание — в переживании своего несовершенства; все другие виды страдания представляют собою пародию на это переживание. Любое чисто психологическое переживание потому и является «чисто» психологическим, что оно не нуждается в Боге.

Скорбь и радость, основанная на земных пожеланиях (их исполнении и неисполнении) и аффективности своих переживаний, не могут не быть чрезмерными, хотя бы потому, что она своей меры не знает. Радость личности с религиозно-ориентированным сознанием всегда гораздо более умеренна, хотя бы потому, что всегда есть основания для скорби, но и гораздо более устойчива, потому что она имеет своим источником вечность, в которой нет истления.

Как радости, так и скорби, относящиеся к вечности, имеют один и тот же источник — преизливающуюся любовь Божественную. Сердце знает и чувствует ее в людях, потому что любовь Божественная реально существует и открывается в образе Божиим — человеке. «Бог есть любовь». В этом имманентная сущность Божества. Любовь есть непостижимое по жертвенной силе, вплоть до полной самоотдачи, влечение к объекту любви, когда его природа достойна этой любви. Природа лиц Пресвятой Троицы абсолютно совершенна и потому абсолютно достойна любви, в которой всегда есть самопреданность, самоотдача и усвоение в себе жизни любимого. Человек осознает себя как личность и понимает, что именно поэтому он способен к любви, ибо только личность способна к любви; и тем совершеннее любовь, чем совершеннее личность. Понимая, что Бог — совершенная личность, человек сознает в Нем совершенство любви. Человек знает, что он любит, только будучи живым, и чем больше жизни, тем сильнее любовь.

Любовь Божественная изливается на сотворенный мир. Сотворение Богом мира и человека совершено актом Его любви. Человек был соткан из любви. И все промышление о человеке — непрекращающийся и всесовершеннейший акт любви. В принятии человеческой ограниченной плоти бесконечным Богом (истощание) начинается подвиг любви, совершаемый Спасителем, венчаемый Крестом. Крест как высшее выражение любви включает в себя и вовлеченность всех, стремящихся ко Христу, быть включенными в Его

объятия, и напряженнейшее стремление вывести человечество от земного существования к небесному бытию. Божественная любовь к человеческому роду напряженно значима, когда она встречает отзыв со стороны человека, который способен узнать об этой крестной любви по своей райской любви к Богу и к небу.

Знание человеком Бога было знанием любви, как и всякое знание предмета, а не о предмете. Сердце человека, исполненное любовью, открывается и навстречу сотворенному Богом миру, а в мире, прежде всего, на существо одной с ним природы, но другой личности. Знание Бога любовью первых людей было так велико, что история человеческого бытия началась, лишь когда это знание и любовь были человеком искажены падением в нелюбовное непослушание. До этого не было истории, потому что творение пребывало в райской любви. Свет этой любви юнеющего мира освещал все творение Божие. Гармония мира замыкалась любовью единственной человеческой четы.

У потомства Адама после грехопадения не закрылась возможность приникнуть к источнику любви, но интенсивность ее ослабла, содержание приобрело искаженное устройство, а направленность ее, сфокусированная у первых людей на своем Творце, изменилась, устремляясь в сторону самого себя, а также тварного мира (самолюбие и миролюбие). Утрачилась способность любви как свободного духовно-нравственного усилия, направленного на предмет любви жертвенно и непритязательно. Падение закрыло творческие потенции личности. Только любовь, действующая Духом Святым, освобождает всякие самостные автономные движения, связанные с исканием любви, порабащают. Вместо подлинного творчества совершаются мнимотворческие экстатические акты.

Опыт восстановления человека в тайне любви открывается в Декалоге, первая заповедь которого личностно поставляет личность Бога пред личностью человека; она теряет смысл как только теоретическая предпосылка; она, напротив, объемлет весь личностный состав человека («всею душою, всею крепостию, всем разумением»). «Двуединая» заповедь любви, рассчитанная на услышание и на отзыв, обрела в Новом Завете обширное, систематическое и мощное воплощение. Христос заостряет духовно-нравственный смысл любви, придавая ему мистический и жертвенный характер.

Его любовь стала живым архетипом любви учеников. Христос возлюбил каждого человека как личность, таинственную в своей сокровенной мистической глубине, и личность каждого должна предстать в свете любви, подобной Божественной любви. Христос возлюбил всех равной, беспристрастной любовью, и если и выделил некоторых как своих особенных «друзей», то лишь в силу того свободного аромата любви, по которому возлюбленные находят друг друга. Христос, Глава Церкви, всех ее членов объединил в Своей любви и такую любовь и признал вернейшим признаком и христиан. Всесвятой Богочеловек возлюбил всех святой любовью, которой Он каждого готов принять в Свою небесную славу, и от каждого Он ищет такой любви, из которой вытравлено все, недостойное любви.

В жертвенности Своей любви Христос, совершивший путь от Рождества «даже до смерти, смерти же крестная», уверяет всех Своим примером, что только подобная любовь и достойна, по сути, именованию любви, все же иное лишь подмены и суррогаты.

Главный признак, отличающий христианское этическое сознание от любого другого, — любовь к врагам. Далеко позади остаются этические системы, основанные на природных нормах, поскольку нравственный идеал Христа сверхъестествен и становится возможным потому, что его в Своей жизни и смерти воплотил Сам Христос. Такая любовь «не мыслит зла» при любых обстоятельствах, даже когда властной и насильственной рукою пресекается деятельность зла, это может быть совершено только любовью, любовью без отвлеченностей, но и без пристрастий, положительных и отрицательных.

Признаки подлинности любви не определяют сущности любви; они лишь дают возможность человеку открыть для себя направления своей жизни в духе любви и сверять свою реальность с идеальной заданностью христианского знания. Любовь находит в другой личности самое дорогое для себя. Любовь чем более любит, тем более занята предметом любви. Любовь не просто «не ищет своего», но и жертвует «своим».

Переживание любви Божественной — в надежде — открывает источники и для ответной

любви. Возвращение ума и сердца в слова произносимых молитв становится подвигом любви, потому что и здесь видно преодоление себя ради Бога. Молитва человеческой любви к Богу всегда есть результат приятия сердцем человека Божественной любви; будучи принятой и молитвенно действующей, она призывает любовь Божественную. От постоянства молитвы молящийся проходит путем любви к той вершине, где само имя Господа запечатлевается в сердце. Это — сокровенная сила мистической любви, которая стремится от Личности Божественной к личности человеческой; и в силу приятия и усвоения этой любви личностью человеческой действует с большой силой в молитвенных воздыханиях.

Божественная литургия есть высшее осуществление любви. Вся литургия — непрекращающееся действие Божественной любви, но и к человеческой любви призывает. Все православное богослужение в суточном, недельном и годовом кругах представляет собой то же кружение любви, что и в Божественной литургии, потому что оно есть служение Богу, а такое служение всегда есть жертвенный акт любви. Ответить на благодать Божию своею благодарностью можно только любящим сердцем. Божественная литургия есть переживание любви и любовью, потому что она наиболее жизненным образом соединяет многих в единстве жизни Божественной, и это единение ничем иным, кроме любви, быть не может.

Единение множества людей во имя Христа есть Церковь. Нравственное условие, указывающее на безошибочность собрания, — любовь. При всех искажениях и несовершенствах такие единства держатся любовью и во имя любви. Общинное единство создается любовью каждого из ее членов, но эти единичные и единственные «любви» в общинной реальности таинственно переплавляются в некое общее свойство — общую любовь; и она обладает уже каким-то особыми свойствами, как бы добавляющимися к каждой из этих единичных «любовей». В силу того сверхприродного сродства, которое даруется Богом, они ощущают себя близкими. Это сродство есть единство верных в их живом исповедании Бога.

Подлинная любовь расширяет сердце так, что оно становится способным вместить весь мир. Искривленный характер «любви» становится особенно заметным, когда в ней проявляются пристрастность и «собственничество». Искривление любви состоит и в изменении порядка заповедей: вторая (о любви к ближнему) впереди первой (о любви к Богу). Бог для личности не может быть ничем «заслонен». Но точно так же никакая личность человеческая не может быть «заслонена» для другой личности никаким иным «низшим» творением и потому, что это искажает нормальный порядок вещей, и потому, что любовь заменяется в таком случае «похотением». Впрочем, и отношение к человеческой личности строится порою по типу «похотения», а не любви, ибо она существует тогда как «предмет», а не как личность — драгоценная и уникальная.

Любовь раскрывается в жизни человека лишь в предметной связи с двумя другими добродетелями — верой и надеждой. Вера есть готовность к узнаванию сверхземных объективных реальностей, превышающая земной разум и чувства. Вера, принимающая религиозный опыт, есть орган мистической интуиции. Со стороны личности связь с Богом и со всеми Божественными реальностями обеспечивается именно религиозной верой, которая поэтому имеет и нравственное содержание. Вера выявляет нравственную жизнь и сама вызывается к жизни нравственными предпочтениями. Подлинно плодотворная вера в Бога может стать нравственно значимой, когда это живая вера в Бога, открывшегося человекам.

Вера как уверенность есть согласие с догматическим знанием Церкви. Она раскрывается не только с мистической или интеллектуальной стороны, но и этически. Христианский опыт состоит не только в том, что он уверяет «в невидимом», но и в том, что эта вера уже «осуществляет ожидаемое». С нравственной стороны через такую веру, осуществляемую практически, христианин восходит к этическим вершинам потому, что он усваивает в лице Христа высший и живой этический идеал. Доверие Богу открывается как несомненное знание и переживание того, что в Боге все — правда, и поэтому готовность исполнить все, что Богом предлагается. Доверие Личности означает априорное нравственное согласие со всеми ее смыслами и содержаниями.

Юность — это предельная самоотдача, преданность, которая может достигать высочайшего результата лишь в религиозном бытии, хотя многие высокие достижения могут

осуществляться и по отношению к другим реальностям: к семье, к Родине, к творчеству и пр. Верность предполагает готовность ради самого дорогого отдать все менее ценное, поэтому основным выражением верности является преданность. По вере осуществляется человеком спасительная жизнь в теле Церкви, Глава которой — Христос Спаситель. Вера в крест и воскресение Богочеловека Иисуса Христа, а значит, и стремление к сораспятию и совоскресению переводит спасительное содержание веры из условий временной жизни в вечностные бытийные смыслы и реальности.

Вера, действующая любовью, проявляется в жизненном «соблюдении» заповедей. Исполнение воли Божией — действие веры, которым испытывается личность, в противоположность псевдомистическим сверхъестественным деланиям, так высоко ценимым в квазирелигиозных обществах.

Нравственные и духовные смыслы проблематики «вера — надежда» раскрываются только в свете религиозного самосознания. Приятие всей полноты веры становится тем жизненной, чем более она увязывается с надеждой на личное спасение. Надежда по своему внутреннему смыслу и содержанию всегда более индивидуально-интимна, чем вера. И как вера, помимо личной надежды, имеет опасность превратиться в интересный, но суховатый психологический процесс, состоящий в восприятии и усвоении некоторых доктринальных содержаний, так и надежда, помимо веры, носит характер эмоционально переживаемой мечты, чувственно ценной и даже приводящей порою к некоторым бесполезным действиям, но духовно мертвой. По вере и надежде — когда они не иллюзорно-мечтательны — выстраивается человеком вся его жизнь. Пространство взаимодействия веры и надежды — это вечность. Вера устремлена, как правило, на «теперь и всегда», упование «завтра и послезавтра». Но завтра и послезавтра имеют дух смысла, когда человеку знакомо и понятно «всегда и во веки веков».

Надежда — один из организующих механизмов жизнеустройства при переходе от рабского, тленного, временного бытия к свободному, нетленному, вечному. Осуществляется этот переход Божественной силой, но эта сила действует в условиях надежды, и нравственная интуиция это осознает в религиозном опыте, потому что вечность, помимо религиозного опыта, оказывается лишь надуманной абстракцией либо пустой мечтой.

В результате практики упования в личности вырабатываются мудрость души, великодушие. Терпеливо уповающий человек не только на деле представляет себя в качестве орудия Божественного Промысла. Упование как практическая типология нравственного характера раскрывается как духовное терпение и приводит к постоянству духовно-нравственного опыта. Терпеливое ожидание составляет ту особенность нравственного мира, которая связывает временный мир с вечным. Надежда, постоянно сопровождающая весь ход поступков человека, утверждающая его в непрерывности хода жизни (будущее коренится в настоящем), утверждает его жизнь как нравственно-дерзновенную. Поэтому надежда значима и в качестве содержательной добродетели, и в качестве динамического регулятора всего течения нравственной жизни.

Духовное содержание молитвенного делания открывается именно в надежде. Если просьба не содержит надежды на ее исполнение, она становится либо отданием дани мертвому обычаю или магическим заклинанием, либо она совершается лишь ради приятных психологических ощущений. В нравственном отношении она тогда либо вовсе не ориентирована религиозно, либо имеет ложную религиозную ориентацию.

Чем дольше и опытней протекает молитвенная жизнь человека, тем менее значит содержание его просьб — он уже не теоретически, но опытно знает, что Богу более известно, что ему нужно, чем ему самому. И потому смысл надежды из частных и ситуационных реальностей переходит к гораздо более всеобъемлющим смыслам. В конечном итоге, сама надежда становится смыслом молитвы и ее руководящим конструктивным началом.

Нравственная ценность личности состоит в том, насколько душа направлена своими интенциями в сторону тех добродетелей, которые христианским сознанием признаются как главные, то есть веры, надежды и любви, переживая их и со стороны объективного духовно-нравственного содержания, и в реальности их личностного воплощения в жизни.

Но даже и тогда личность будет видна не как личность в собственном смысле, а как некоторая возможность для определенных достижений.

Личность вполне раскрывается там, где ставится актуальная задача осознать и пережить в собственной реальности движение к совершенной нравственной Личности, проявленной в лице Богочеловека Иисуса Христа. Он явил в Себе образец той чистоты, к которой призывал Своею заповедью. В евангельском Лике Иисуса Христа все пронизано и дышит чистотою и святостью. Свято каждое Его слово.

В Нем все пронизано жизненным стремлением исполнить высшее задание. В Нем очевидно бережное и уважительное отношение к любой человеческой личности, и никакой грешник не исключается из Его любви. Тою же любовью вызвано стремление к уничтожению всяческих соблазнов, нравственных и умственных, — как препятствующих делу спасения. Его творческое служение приобретает нравственный смысл, ибо принимается и совершается в духе полной самоотдачи в деле служения спасению людей. Вся жизнь Спасителя раскрывается как дело Его непрекращающегося служения «в рабском образе». Крест навсегда стал для человечества высшим символом служения и образцом для всех, кто намерен относиться к жизни как к служению. В кресте выявились и нравственная красота личности Иисуса Христа, и полнота самоотверженности, и решимость не отступить от Своей миссии, и преданность Своей воли — воле Отца Небесного, и горение любви к Своим падшим созданиям, и знание о всеобщем грядущем воскресении.

Нравственное переживание Евангелия ценностно ориентировано к небу. Совершенство святой любви Христа — это совершенство Его любви, направленной как к Отцу Небесному, так и к людям, и требует небесного отношения ко всему, что в условиях земных преимущественно относится к Божественным реальностям.

Главное направление аскетического делания — послушание есть путь, движение, восхождение, творчество. В крестном служении спасению возлюбленного Богом мира открылось совершенство свободного выбора личности Христа. Совершенство свободы смыкается с совершенством ответственности, ибо ответственность включает реалистическую готовность выполнить свою свободно избранную миссию; у Бога это — не изменить Самому Себе, Своей сущности — любви, ибо Бог есть любовь. Ответственность проявляется в деле, которое должно быть исполнено, какие бы препятствия ни возникали на пути; и потому крест есть подвиг совершенной ответственности.

В этом совершенстве — бескомпромиссность, свойственная лишь Тому, Кто знает нравственную правду. Знание это упраздняет в сложные психологические колебания, свойственные падшей природе. В Иисусе Христе — высокая ясность подлинного знания, в котором нет противоречия, потому что все в Иисусе подчинено Его личности. Возрожденная воскресением Иисуса Христа из мертвых «новая тварь» обладает подлинной жизнью. Такая личность становится живой для Бога, но тем самым мертвой для прежнего образа жизни, для греха. Эта «мертвость для греха» есть и реальное проявление нравственного итога жизни личности и необходимое условие ее возрождения. Полнота цельной нравственной возрожденной личности, будучи простой, открывается в соответствии с евангельскими ценностями; в их единстве раскрывается возродившаяся во Христе личность, органически и цельно сознающая себя и в своей личной неповторимой уникальности, и в единстве любви с братьями и сестрами.

У возрожденной личности раскрывается духовная содержательность самосознания, при котором «я» оказывается существенно более значительным, чем индивидуальный феномен. Личность прозревает свою духовную природу не воображательно, но реально. Становится иной и интуиция. Духовная интуиция прозревает духовный смысл личности или события, а исходя из этого главного духовного смысла — и все остальное.

Новые личности воссоздаются (возрождаются) Богом на материале и при участии прежних. Их отличие от прежних может быть разительным, все же и личность в своем самосознании, и окружающие ее люди не могут не признать, что, какая бы она ни была новая, возрожденная, в некотором существенном смысле она та же. Личность не состоит из различных нравственных, умственных, интуитивных качеств, но они воплощаются в личности. Высшее выявление личности — свобода. Свобода и любовь рожают весь строй

нравственных и иных движений сердца, его чувствований; и это создает неповторимый нравственно-психологический колорит личности. В любой личности есть нечто неуловимое и невыразимое в слове, что и сам человек глубокой своей интуицией постигнуть в себе не может: некий аромат неповторимой человеческой тайны, оживляющей все логические, умственные, эстетические, этические и прочие составляющие человека.

У того, кто возрожден Христом, совершается изменение всех интенций, чтобы они получили соответствующее правде Божией жизненное напряжение. Жизнь человека, приблизившегося к совершенству, определяется не нравственными нормами, а тем живым идеалом, который воплотился в Личности Христа. Человек нравственно усвершеншается, исполняя главное стремление — уподобление Христу. Для христиан это — центральная нравственная задача.

Аромат подлинной святости совершенных во Христе личностей вполне приметен и осязуем; очевидно их служение; возвышен дух подлинной свободы. Люди, духовно чуткие, видят в святом не просто его нравственные достоинства, но его избранность Богом. Нравственное совершенство в таком случае есть ответственное согласие на святой призыв Бога и практическое осуществление этого согласия.

В каждой личности содержится совокупность Божественных даров. Они становятся напряженно действенными, когда человек силою Божественной любви, силою Христова воскресения и собственными усилиями для победы над грехом преодолевает неизбежность смерти. Дар духовный становится зрелым плодом духовным, когда жизнь человека через преодоление смерти переходит в вечность. Божественный дар возвращается Божиею же силою, при условии «соработничества» Христу личности. Эта готовность — радостный акт веры, уникально личностный. Такая творческая решимость тем полнее, чем значительнее религиозный опыт личности. Она включает в себя готовность к внутренней интенсивной работе в любых конкретных жизненных ситуациях.

Наиболее зрелыми плодами личностных свершений в их живом напряжении являются прославление и благодарение Бога. Причины, побуждающие человека благодарить и славить Бога, имеют, прежде всего, сотериологическое основание. Личность, переживающая конкретность своей греховной нечистоты и опытно узнавшая невозможность избавиться от нее собственными усилиями, опытно узнавши Божественную силу, очищающую от греховной тяжести и опытно сравнившая радость новой чистоты с прежней нечистотой, благодарно отвечает Богу.

Если благодарность может быть обращена и к человеку, то прославление — только к Богу и имеет причины только мистические; если же оно прилагается к человеку, то становится «сотворением кумира», извращением нормального порядка бытия. Прославление по природе своей жертвенно. В человеке, прославляющем Бога, совершился главный личный и нравственный подвиг: он сумел поставить для себя Божественную личность выше собственной личности, любой другой личности и человеческой личности вообще. Прославление, имея мистическую мотивацию и ориентацию, раскрывает душу в ее мистических глубинах, охватывающих всю полноту человеческого существования.

Непрекращающееся промыслительное делание любви Бога по отношению к Его творению вызывает у всякого нравственно здорового человека волевую установку на прославление Бога. В этом переживании человек превозносит Бога выше всего тварного мира, выше времени и пространства. Прославление Бога раскрывается как практическое личностное созерцание и живое движение души. Прославляя Бога, человек обретает в своей душе способность к жертвенной любви и к живому чувству живого Бога, чувству, при котором сердце согласно отзывается на великое содержание слов молитвы и само ищет такие слова. И тогда молитва имеет нравственную силу, ибо заставляет убегать от зла и лжи и держит душу в постоянно воскрешающем ее напряжении.

Тот, кто стремится к новозаветной жизни, соотносит с ее духовным смыслом все свои жизненные содержания. Духовная слава Нового Завета становится источником нравственной жизни, которая «в контексте» славы Божией постигается как умирание для прежней жизни и воскресение в личности Христа и в Его славе.

Евхаристия — благодарение, благой дар — и включает в себе высшие духовно-этические ценностные содержания, которые созерцает, участвуя в литургии, евхаристически выстроенная личность. Евхаристия — этический подвиг не только воплотившегося слова Божия, но и всех, кто, причащаясь благодарно, принимает евхаристическую Жертву. Ибо причащающийся Тела Христова становится причастником этого жертвенного подвига. Через причастие Тела Христова личность восходит на новую нравственную высоту, и в этом реализуется ее творческий акт в соответствии с этическим Божественным откровением Нового Завета.

© Свешников В., 2004